

УДК 94(47)“16”

И.П. КАМЕНЕЦКИЙ

ВЫХОДЦЫ ИЗ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ НА СЛУЖБЕ В СИБИРИ В XVII в.

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: kameneckiiivan@mail.ru

В статье рассмотрены причины и характер миграции белорусов в Сибирь, участие отдельных представителей в присоединении и освоении региона. Показано, что основной приток белорусов в Сибирь в XVII в. осуществлялся в ходе войн России с Польшей. Русские власти, стремясь пополнить свой воинский контингент за Уралом, использовали военных специалистов из числа военнопленных и добровольных выходцев из белорусских земель. Предпочтение при приеме на военную службу и командные должности отдавалось лицам православного и родословного происхождения. Выходцы из «Белой Руси», имевшие боевой опыт, назначались Москвой на командные и рядовые должности и направлялись нести «государеву службу» в сибирские и другие гарнизоны.

Установлено, что служебная деятельность белорусских «шляхтичей» П. Аршинского, С. Круглика и их потомков, занимавших высокие посты в сибирском «войске», включала в себя широкий круг обязанностей и выполнение ответственных поручений. Важную роль среди них играло участие в военных походах, экспедициях, посольствах, проведение различных следственных и фискальных мероприятий. Рядовые белорусы несли пешую и конную казачью службу, вместе с русскими воинами собирали ясак, возводили опорные пункты, защищали границы новых российских владений. Наряду с несением воинской службы белорусы активно участвовали в земледельческом освоении региона, имели значительные сельскохозяйственные угодья и количество скота. В их хозяйствах использовался наемный и подневольный труд, продукты которого поступали на местные рынки.

Схожие условия белорусского пограничья и сибирского фронта, культурно-религиозная и языковая близость с русским народом во многом облегчали вхождение «белорусцев» в сибирское общество. Отмечено, что в отличие от других выходцев из Речи Посполитой, процесс интеграции белорусов в сибирское общество в XVII в. проходил более ускоренно и менее болезненно.

Ключевые слова: белорусы, Сибирь, «государева» служба, П. Аршинский и его потомки, материальное положение, хозяйственные занятия, адаптационные возможности.

Современные ученые уже показали, что «участие белорусов в пионерном освоении Сибири в период от эпохи землепроходцев до настоящего времени является историческим фактом» [1, с. 4]. Среди поставленных исследователями проблем важное значение имеет выяснение причин и характера, определявших миграцию выходцев из бывшего княжества Литовского в Сибирь, а также их непосредственного участия в присоединении и хозяйственном освоении Азиатской России. Решение этой задачи позволит определить вклад славянских и других нерусских народов в колонизацию сибирского региона, становление и особенности формирования нового сибирского этноса, присущих ему ментальных черт, выявить адаптационные возможности и условия вхождения в сибирское общество.

Изучение этого вопроса связано с немалыми трудностями, обусловленными прежде всего необходимостью географической локализации территории проживания белорусского этноса в Восточной Европе и выделением его представителей среди достаточно многочисленной группы «литвы», оказавшейся в Сибири в силу разных обстоятельств. Как уже указывали историки, в сохранившихся документах начального и даже более поздних периодов заселения Сибири этноним и топоним «белорус» встречается довольно ред-

ко. В XVII в. выходцы из Белоруссии зачастую были скрыты под терминами «литва», «литовские люди», «литовские полоняники» и другими сходными обозначениями, что определяло принадлежность к государству, а не этносу. Не всегда в документах того времени указывались места их рождения, национально-этническое происхождение, сословно-социальный статус, причины перехода на русскую службу. Зачастую имеются лишь косвенные указания на принадлежность их к непольской «шляхте» и «челяди». Эти затруднения не позволяют с большой степенью достоверности выявить численность, состав и источники формирования белорусской диаспоры в Сибири, и, следовательно, в полной мере определить ее реальный вклад и участие в заселении и освоении восточных окраин Русского государства.

На наш взгляд, одним из немаловажных «индикаторов» при определении идентификации белорусов, наряду с прямым указанием на их собственную этническую принадлежность (самоидентификацию), является то, что русские делопроизводственные документы реже называют их «иноземцами», в отличие от многих представителей Речи Посполитой и других иностранных государств. Другим косвенным «маркером» в определении национально-этнического происхождения

белорусов может быть их прежнее место проживания или места выхода, а также религиозная принадлежность. Зачастую предпочтение при приеме на государственную службу в России и назначение на командные должности, как уже отмечали исследователи, отдавалось лицам православного и родословного происхождения [2, с. 107]. Дополнительным аргументом в выявлении этнической принадлежности может служить и то, что в происходивших обменах военнопленными между Россией и Речью Посполитой православные белорусы чаще, чем другие ссыльные «иноземцы», добровольно оставались на службе в Сибири. Возможным, но не всегда верным, признаком этнической идентификации является и отличие белорусских фамилий от типичных фамилий «литвы», имеющих окончание на *-цкий*, присутствующих преимущественно польской шляхте [3, с. 11].

Исходя из этих оснований, рассмотрим обстоятельства и время появления отдельных представителей белорусского этноса в Сибири, их служебную деятельность, условия адаптации и инкорпорации в сибирское общество, материальное положение и участие в аграрном освоении региона.

Первые сведения о появлении выходцев из белорусских земель в Сибири относятся к началу Смутного времени, хотя не исключено, что в составе дружины Ермака и правительственных отрядов – основателей первых русских городов за Уралом – могли быть носители белорусского этноса. Одним из наиболее известных представителей был «литвин», родом из Орши, сын боярский Павел Аршинский, основатель большой династии начальных людей Тобольска. В составе отряда воевод В. Сукина и И. Мясного в 1586 г. он принимал участие в возведении Тюмени – первого русского форпоста в Сибири. В 1598 г. участвовал в разгроме хана Кучума на р. Ирмени и сопровождал его плененную семью в Москву [4, с. 59; 5, с. 19].

Его сын Богдан Павлов Аршинский, ставший первым советником воеводы П.И. Пронского и других сибирских наместников, имел высокий авторитет в казачьей среде. В 1636 г. он был назначен головой пеших казаков Тобольска после сподвижника Ермака – весьма популярного атамана Гаврилы Ильина [6, с. 93, 116, 154]. Его деятельность, отмеченная в документах с 1618 по 1654 г., свидетельствует как о быстром его служебном росте, так и о материальном благополучии. В 1630 г. он получал 20 руб., без хлебного жалования, в 1635 г. – 22 руб., в 1654 г. – уже 25 руб., 22 чети ржи, 8 четей овса, 3 пуда соли, что являлось высшей ставкой служилого должностного оклада [7, с. 30]. Достижению такого высокого положения в служилой среде предшествовала его многолетняя служба, в которой воинские дела тесно переплетались с административной и посольской практикой.

С 1621 г. Б. Аршинский почти ежегодно возглавлял экспедиции, посольства, военные походы, проводил дозоры и различные следствия. В 1625 г. был направлен с посольством к казахскому владельцу Ишиму с целью склонить его в русское подданство. Очевидно, его миссия была успешной, поскольку люди ишим-

ского царевича не участвовали в крупном антирусском восстании тарских и барабинских татар 1628–1631 гг., подстрекаемых к тому джунгарами [8, с. 116–122]. Наряду с дипломатическими средствами Б. Аршинский использовал и силовые методы борьбы с восставшими. С целью подавления сопротивления остатков Кучумовичей в 1629 г. вместе с тарским сыном боярским Ф. Елагиным он совершил поход на оз. Чаны, где разгромил восставших татар. Весной 1631 г. вместе с отрядом Я. Тухачевского принял участие в сражении за Чингизский городок с телеутами, закончившемся их поражением [9, с. 49].

В 1621, 1636 и 1638 гг. под его началом были осуществлены крупные экспедиции служилых и торговых людей за солью на Ямыш-озеро, которые нередко сопровождались столкновениями с местными воинственными кочевниками. Очевидно, Б. Аршинский умел заключать соглашения с кочевыми правителями и склонять их на свою сторону. Так, в сентябре 1638 г. он сообщил тобольским властям о перевозке соли ойратами к русским судам и присяге отдельных калмыцких тайшей на верность русскому царю [10, с. 32–33].

Б. Аршинский также выполнял обязанности сыщика-дознателя в разрешении сложных конфликтных ситуаций. Летом 1626 г. им проводился в Енисейске сыск о злоупотреблениях воеводы А. Ошанина и бунте атамана А. Алексева. Расследуя причины отказа населения воеводе, Б. Аршинский не только сместил Ошанина, погрязшего в различных злоупотреблениях, но и арестовал казачьего атамана В. Алексева и других «пущих заводчиков» [6, с. 239, 272]. В 1628 г. ему довелось расследовать причины конфликта, возникшего между тарскими служилыми людьми и барабинскими татарами [8, с. 118].

По-видимому, Богдан Аршинский был глубоко религиозным человеком. Ему поручал выполнять ответственные задания Софийский Тобольский двор: доставить из Москвы Знаменскому монастырю одеяния и церковные книги, осуществить отвод рыболовных угодий на Иртыше, досмотр церковных земель и др. Известно также, что в 1621 г. вместе с И. Шульгиным он пожертвовал какие-то средства на оклад образа святой Софии в Соборной церкви Тобольска [6, с. 170].

Службу Б. Аршинского продолжили его сыновья – сыны боярские Борис и Данила Богдановы и внуки – Данила, Иван и Тихон Даниловы. Их административная, военная и другая деятельность достаточно полно представлена в исторической литературе. Отметим лишь, что четвертый представитель этой династии, правнук П. Аршинского – стрелецкий голова Тобольска Иван Иванов в 1692 г. просил за заслуги своих родственников и свои личные возвести его в сибирское дворянство, что вскоре было и выполнено [7, с. 31–32].

К представителям белорусской диаспоры можно отнести Самуила (Самойло) Ботвинку (Ботвинкин, Ботвинской), принадлежавшего к смоленской шляхте. При разборе в 1681 г. он сообщил, что был взят в плен в 1661 г. в бою под Руегой и сослан в Кузнец-

кий острог в конные казаки с окладом 8 руб. с четью, 7 четей ржи, 6 четвертей овса, 2 пуда соли¹. В отписке тобольских воевод И. Хилкова и Г. Головина в сентябре 1661 г. сообщалось, что вместе с ним были сосланы и определены в конные казаки в Кузнецке «ссылные люди» – шляхтичи С. Жаба, Д. Дубровской, Г. Островской, В. Годемирский, Б. Уницкой, а также рейтары И. Путковский, О. Лазицкий. Им было положено жалование 6 руб., 6 четей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли [11, с. 46]. Более высокое жалование С. Ботвинки, в сравнении с другими ссылными, может свидетельствовать о его непольском происхождении и каком-то особом преимуществе. На это указывают и другие данные его биографии. В 1664 г. вместе с названными выше шляхтичами он был послан в Москву для размена военнопленными. В отличие от них, С. Ботвинка отказался возвращаться на родину, «бил челом блаженной памяти великому государю... чтоб мне Самойло быт в стороне царского величества высокою рукою и по указу... был верстан в службу по Кузнецкому в дети боярские». При этом оклад ему был значительно повышен и составил 13 руб., 17 четвертей ржи, 17 четвертей овса, 3 пуда соли².

В источниках нашли отражение и другие эпизоды воинской службы С. Ботвинки в Сибири. 9 октября 1664 г. по прибытии из Тобольска в Кузнецк он и его подчиненные получили 18 чарок «за многолетнее здравие царя»³. В октябре 1684 г., будучи в Москве с пятидесятником И. Кузьминым, он подал челобитную кузнецких жителей о разорительных набегах киргизов⁴. В 1687 г. вместе с десятником И. Тихоновым был послан в погоню за джунгарами в Берсоаяцкую волость на р. Катунь. В следующем году опять был послан на Катунь в Кондомскую волость для «проведывания вестей» о калмыках [7, с. 38].

Службу С. Ботвинки наследовал его сын Федор Ботвинкин. Он упоминается в переписной книге Кузнецкого уезда 1719 г. как сын боярский в возрасте 48 лет вместе со своим сыном семнадцатилетним Иваном. Согласно переписи Ф. Ботвинкин и его семья проживала уже не в Кузнецке, а в одной из пригородных деревень, где наряду с несением службы он занимался и сельскохозяйственным производством⁵.

Ускоренную адаптацию и успешное продвижение по службе семейной династии Аршинских, Ботвинки и других «белорусцев» можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, бывшие жители белорусских земель долгое время проживали в условиях постоянно менявшегося западного пограничья, обстановке частых европейских войн и военных конфликтов, полонизации населения. Это способствовало выработке у них, особенно у служилого слоя, военных

навыков, а у всего белорусского населения стремления к сохранению своей этнической целостности. Все это облегчало их вхождение в состав сибирского сообщества, также пребывавшего во фронтальном положении, но находившегося, несмотря на все трудности начального освоения края, в более свободном и открытом состоянии.

Во-вторых, следует отметить и покровительственное отношение русских властей, особенно с середины XVII в., к белорусскому населению. Оно проявлялось в осуществлении законодательных мер, облегчавших положение белорусов и других жителей Смоленска, Полоцка, Орши и прочих мест, занятых русскими в ходе войны с Польшей, в устройстве в Москве специальной Мещанской слободы, заселенной преимущественно белорусскими выходцами, широком привлечении и использовании на русской службе белорусских мастеров и военных специалистов. Эти меры, по мнению А.Г. Манькова, «преследовали цель склонить местную шляхту, состоявшую в основном из белорусов, на сторону русского правительства и предотвратить ее уход в Литву» [12, с. 42].

Сибирские гарнизоны пополняли и рядовые служилые «белорусцы», оказавшиеся на востоке разными путями. Как правило, их верстали в конную и пешую казачью службу. Среди них были, очевидно, участники войны за Смоленск 1632–1634 гг.: «белорусец Оршанского повету Игнашко Григорьев», «белорусец Литувово повету Войтешко Михайлов», «белорусец Копытского повету Ивашко Васильев». Перед отправлением их в Сибирь на место назначения они получили жалование по 5 руб. и сукно. В 1635 г. И. Васильев упоминается в Томске уже как десятник пеших казаков с окладом 5 руб. с четью [13, с. 13; 7, с. 40].

Немало служилых белорусов из числа рядовых оказалось в Сибири в ходе войны за Украину в 1650–1660-е гг. В 1654 г. в Якутский острог на службу было направлено 12 «литовских людей белорусцев»: Тимошка Андреев, Осташко Иванов, Корнилко Корнильев, Янка Васильев, Ларка Игнатъев, Демка Борисов, Омелка Наумов, Дениска Степанов, Тимошка Иванов, Мишка Антонов Попко, Ивашко Борисов [11, с. 52]. Белорусы из числа военнопленных этого периода в одиночку и партиями поступали и в другие сибирские города. Среди них был «литовский полоняник», оршанец Марчко Борисов. Его сослали в 1658 г. из Москвы в Томск, затем в Кузнецк, где он значился как конный казак с окладом 7 руб. с четью⁶. В этом же году в Томск был направлен без указания на верстание «сылной человек белорусец» Александр Колевчевской. В июле 1661 г. в Томск прибыли вместе с другими «ссылными людьми» и «иноземцы оршанцы». До этого они находились в Астрахани, откуда по неизвестным нам причинам и обстоятельствах совершили неудачный побег, за что и были сосланы в Сибирь в конную службу. Среди них шляхтичи: Степан Крюковской, Янко Брянской, Парфен Ширяев, Афанасей Новгородец, Карп Кунчев,

¹РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 993–994.

²Там же. Ф. 214. Стб. 577. Л. 384, Кн. 716. Л. 993–994; Кн. 590. Л. 545.

³Там же. Ф. 214. Кн. 479. Л. 597 об.

⁴Там же. Ф. 214. Стб. 715/716. Л. 193.

⁵Там же. Ф. 214. Кн. 1611. Л. 95.

⁶Там же. Кн. 438. Л. 230; Кн. 415. Л. 115.

Леонтий Павлов, Иван Городецкий, Осип Карась, Миклау Коловено [11, с. 45, 68].

Среди ссыльных «белорусцев» встречались и лица духовного звания. В 1659 г. указом великого государя из Сибирского приказа был отправлен в Тобольск «на вечное житье» белорусский поп Влас. По указанию архиепископа Симеона опальный священник был пострижен и направлен нести службу в церковь монастырского села Ивановское. Примечательно, что в это же время был сослан в отдаленный Якутский острог представитель чуждой веры, «иноземец» – ксендз Тишкев [11, с. 60–61, 73].

Наряду с несением службы «белорусцы» были вовлечены и в аграрное освоение Сибири. Занятиям земледелием и скотоводством во многом способствовало наличие свободных и плодородных угодий, выгодно отличавшихся от земель белорусского Полесья. Указанный выше Богдан Аршинский, имел значительные для того времени сельскохозяйственные и лесные угодья на Иртыше: пашни – 20 дес., перелога – 12 дес., дубравы – 12 дес., покотины – 8 дес., сенных покосов – 6 дес., с которых накашивал 400 копен [7, с. 30]. Наличие таких угодий и заготовка большого количества грубых кормов, позволявшие содержать не менее 10 лошадей или 13–14 голов крупнорогатого скота, указывает на то, что занятие сельским хозяйством ему было «в обычай». Очевидно также, что в его хозяйстве использовался наемный труд, и оно носило товарный характер.

Несмотря на высокие должностные оклады и возможность лишиться хлебного жалования, пашенными и другими угодьями обзаводились и другие выходцы из «Белой Руси». Так, уроженец Минского уезда кузнецкий сын боярский Петр Буткев 8 мая 1696 г. продал «хлеба своей пахоты» на 2 руб.⁷ Земледелием успешно занимались бывший шляхтич Мстиславского воеводства томский сын боярский Степан Круглик (Кругликов) и его сын, ставший сибирским дворянином, Алексей Степанов Кругликов. Последний был не только умелым военачальником и администратором, но и успешным сельским предпринимателем [14, с. 8–9]. А. Кругликов владел пашенной заимкой – деревней на р. Оби. Возможно, для защиты своих владений и других деревень по его инициативе и под его началом в 1703 г. был возведен Умревинский острог и заведена новая пашня на р. Томи у дер. Вершининой. А. Кругликову также принадлежала на паях водяная мельница на р. Басандайке [15, с. 278]. В его большом хозяйстве работали несколько дворовых людей «кальмицкой породы»⁸. Земледелием занимались и рядовые ссыльные белорусы. В 1655 г. был послан из Тобольска в недавно отстроенный Илимский острог «в пашню» «белорусец» Аникиев Фома [11, с. 55].

Не вызывает сомнения, что белорусские выходцы были вовлечены в главное занятие Сибири – пушной промысел, являвшийся в первой половине века самым

доходным источником. Занятию им способствовали прежние условия проживания, имевшие несмотря на различие климата, схожие природные ресурсы. Поэтому участие белорусов в лесном промысле, рыболовстве, соледобыче и других видах хозяйственной деятельности также является неоспоримым фактом. Но этот вопрос требует дальнейшего изучения и находится вне рамок нашей работы.

Таким образом, появление белорусов в Сибири было неразрывно связано с начальным этапом присоединения и освоения региона. Поступление их на русскую службу было обусловлено разными факторами, в которых не последнюю роль играли перманентные войны России с Польшей. Социальное и служебное положение выходцев из белорусских земель в Сибири зависело не только от прежнего статуса, но и новых заслуг, достигнутых ими преимущественно в военно-административной сфере. Схожие условия белорусского пограничья и сибирского фронта, культурно-религиозная и языковая близость с русским народом во многом облегчали вхождение «белорусцев» в сибирское общество. Оказавшись на новых землях и в другом иноэтническом окружении, белорусы не стали в Сибири обособленной этнической группой. Пребывание их в составе «литовского списка» в разрядных городах не являлось еще условием сохранения их этнической общности. К тому же в большинстве «малых» сибирских городов и острогов «литовских списков» как специальных подразделений – диаспор, созданных для «иноземцев», не существовало. Поэтому, в отличие от других народов Речи Посполитой, процессы адаптации, ассимиляции и аккультурации выходцев из белорусских земель в Сибири, несмотря на определенную полонизацию, происходили более интенсивно, ускоренно и менее болезненно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ламин В.А., Сташкевич Н.С. Предисловие. Проблемы изучения белорусской диаспоры в Сибири. // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 3–9.
2. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVIII вв. М., 2007.
3. Люцидарская А.А. Белорусы Сибири XVII в. // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск, 2011. С. 10–18.
4. Никитин Н.И. Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане в России в XVII–XIX вв. М., 1991. С. 58–62.
5. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993.
6. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь XVII в. Новосибирск, 1991.
7. Резун Д.Я., Соколовский И.Р. О «литве» в Сибири XVII в. // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 22–64.
8. Волкова К.Е. Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Экономика, управление и культура Сибири. XVI–XIX вв. Новосибирск, 1963. С. 157–170.
9. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980.
10. Каменецкий И.П. Ямыш-озеро как зона хозяйственного и политического взаимодействия народов в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2010. № 2. С. 32–36.

⁷Там же. Ф. 214. Кн. 590. Л. 563; Кн. 716. Л. 986 об. – 987.

⁸Там же. Кн. 716. Л. 1002–1003.

11. Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России. М., 1901.
12. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 2002.
13. Леценко Р.Ф. Белорусы-переселенцы в Сибири (конец XVI–XVII вв.) // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 10–21.
14. Соколовский И.Р. Приказчик Умревинского острога Алексея Круглик и его отец (биографии двух «чиновников» XVII – начала

- XVII веков) // Проблемы местного самоуправления Сибири XVIII–XX веков. Новосибирск, 1996. С. 8–9.
15. Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

Статья поступила
в редакцию 31.10.2013

УДК 94(47).04+930.85

Н.С. ГУРЬЯНОВА

СТАРООБРЯДЦЫ И «ЛИТОВСКИЕ» КНИГИ

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: gurian@academ.org

Противники церковной реформы, начатой патриархом Никоном, с целью доказать незаконность нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви обратились к русским рукописям и изданиям Московского печатного двора. Постепенно начала формироваться система авторитетов старообрядчества, составленная из книг, которые были значимы и для оппонентов. В этот круг оказались включенными сборник «Кириллова книга» и «Книга о вере», изданные в Москве, но составленные из сочинений, написанных украинскими и белорусскими православными авторами в конце XVI – начале XVII в. Следующее поколение старообрядцев обратилось и к исходным текстам – изданиям типографий, находившихся на территории Литвы, Белоруссии и Украины, к так называемым «литовским» книгам. В них старообрядцы находили тексты, поддерживающие их позицию. В первой четверти XVIII в. эти книги оказались включенными в круг авторитетных.

В статье рассмотрен один из способов, которым старообрядцы придавали значимость «литовским» книгам. В Поморских ответах большое количество аргументов составили ссылки на печатные издания православных типографий Киевской митрополии, которые выделены в особый раздел, озаглавленный как «белорусские» или «белороссийские» книги. Этот термин выговцы употребили, явно ориентируясь на указ 1620 г., в котором православное население родственной митрополии обозначено как «белорусцы». Патриарх Филарет призывал относиться к ним с большой осторожностью, поскольку условия жизни в инославном окружении способствовали некоторым отступлениям от истинной веры, а для старообрядцев в начале XVIII в. термин «белорусские» стал синонимом слов «православные», «правильные».

Ключевые слова: Русская церковь, Киевская митрополия, раскол, XVIII в., старообрядчество, рукописи, печатные издания, «литовские» книги, Поморские ответы.

Общеизвестна значительная роль так называемых литовских книг, т. е. украинских, белорусских рукописей и печатных изданий конца XVI – начала XVII вв., в процессе выхода русского общества из духовного кризиса, особенно обострившегося после Смуты (см., напр.: [1; 2; 3]). Книжность Киевской митрополии оказала существенное влияние на формирование русской культуры раннего Нового времени, на освоение ею элементов европейской образованности. В конце XVI – начале XVII в. родственная митрополия, находясь на территории, входящей в состав Речи Посполитой, вынуждена была вести постоянные дискуссии с более изощренными в богословских спорах инославными и униатами. Это стимулировало написание соответствующих сочинений и их издание. В результате православными авторами было создано большое количество произведений антикатолической, антипротестантской и антиуниатской направленности на новом уровне осмысления спорных проблем, который сформировался

под непосредственным влиянием богословской мысли оппонентов и вполне соответствовал их уровню.

Эти произведения украинских и белорусских авторов оказались востребованными в Москве, поскольку после Смуты перед Церковью остро стоял вопрос преодоления кризисных явлений в обществе, не менее важной оказалась необходимость защиты православия перед лицом «латынян». С 1620-х гг. «литовские» книги получили достаточно широкое распространение в России, хотя Церковь относилась к ним настороженно, поскольку, по мнению русских книжников, иноконфессиональное влияние привело авторов к некоторым отступлениям от православия (см., напр.: [4]). Следствием явилось то, что патриарх Филарет попытался осуществить политику культурного и конфессионального изоляционизма.

Собор 1620 г. особенно ясно показал ее направленность. В решениях Собора говорилось о необходимости крестить заново приходящих в православие